

КИМ
ЧЖИ
ЮН

ПРАЧЕЧНАЯ, СТИРАЮЩАЯ ПЕЧАЛИ

Самый ожидаемый
роман-исцеление 2023 года в Корее!

Хорошее настроение. Азиатский роман

Ким Джи Юн

Прачечная, стирающая печали

«O2»

2023

Джи Юн К.

Прачечная, стирающая печали / К. Джи Юн — «О2»,
2023 — (Хорошее настроение. Азиатский роман)

ISBN 978-5-353-10864-1

В Сеуле, в районе Ённамдон, круглосуточно работает маленькая уютная прачечная со смешным названием «Бингуль-Бингуль». Сюда со своим грязным бельем и черными мыслями приходят разные люди и, пока крутится барабан машины, делают записи в потрепанный ежедневник в зеленой обложке. Кто-то описывает в нем свой прошедший день, кто-то просит совета, а кто-то признается в самом сокровенном, о чем до этого не решался рассказать никому. И для каждого в ежедневнике находится свой ответ, который может изменить их жизнь... Через пять разных историй посетителей прачечной «Бингуль-Бингуль» Ким Чжи Юн доносит до нас простую истину: открыть свое сердце – труднее всего, а обрести человека, который тебя выслушает, – огромное счастье.

ISBN 978-5-353-10864-1

© Джи Юн К., 2023

© О2, 2023

Содержание

Глава первая. Постучите по горшку с помидорами	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ким Чжи Юн

Прачечная, стирающая печали

© 2023 by Jiyun Kim. All rights reserved.

The Russian Version translation is published by ROSMAN in 2024, by arrangement with Sam & Parkers Co., Ltd. through Rightol Media in China. Email: copyright@rightol.com

© ООО «РОСМЭН», 2024

Глава первая. Постучите по горшку с помидорами

Чиндоль жалобно заскулил.

Чиндоль – это девятилетний белый пес породы чиндо, которого господин Чан взял через некоторое время после смерти жены. Обычно Чиндоль справлял нужду во время прогулки или во дворе, поэтому господин Чан всегда оставлял дверь во двор приоткрытой. Однако сегодня поднялся сильный ветер, какой редко бывает поздней весной, и захлопнул ее. Чиндоль несколько часов беспомощно сидел под дверью, а потом, не выдержав, помочился на тонкий матрас господина Чана, который на ощупь немного напоминал траву.

Господин Чан, который глубоко спал под работающий телевизор в гостиной, долго не просыпался. Постепенно матрас стал влажным из-за мочи, и господин Чан вздрогнул:

– Как холодно!

Открыв глаза, он увидел Чиндоля – пес сидел рядом и смотрел такими грустными глазами, что его стало жалко. Господин Чан торопливо встал:

– Чиндоль, это ты написал? А, дверь закрылась... Вот оно что... Бедняга, нелегко тебе пришлось, да? Ничего страшного, постираем. Есть же стиральная машина, можно не беспокоиться...

Чиндоль уткнулся головой в колени старика Чана и энергично завилял хвостом. Господин Чан положил пропитанный мочой матрас в старенькую стиральную машинку с затертой кнопкой включения. Машина сразу не заработала, поэтому пришлось изо всех сил нажимать на кнопку большим пальцем. Потом господин Чан выбрал режим для постельных принадлежностей и запустил стирку. Время полного цикла – сорок пять минут.

Господин Чан жил в частном доме, где можно было включить стиральную машину посреди ночи, не боясь перебудить соседей. Белый двухэтажный дом с просторным ухоженным садом и большими голубыми воротами располагался в районе Ённамдон. Господин Чан жил здесь уже сорок лет. Когда они с женой только переехали, Ённамдон был тихим районом, застроенным частными домами, но по мере того, как Хондэ превратился в молодежный и культурный район, Ённамдон тоже приобрел популярность. С тех пор большинство соседей превратили свои дома в коммерческие помещения, такие как кафе или рестораны, и уехали. Таким образом, дом господина Чана с голубыми воротами стал в Ённамдоне редкостью – одним из немногих домов, которые до сих пор оставались жилыми.

Всего в доме было шесть комнат, по три на каждом этаже, что очень много для одинокого человека. Господин Чан, у которого остался только Чиндоль, давно подумывал о переезде, однако в конечном итоге так и не смог покинуть этот дом, наполненный воспоминаниями о горячо любимой жене, с которой у него были удивительно гармоничные отношения. За каждым деревом и растением в саду – магнолией, китайским финиковым деревом, хурмой и диким виноградом на заборе, а также гибискусом, розами и растущими в горшках у ворот помидорами черри, которые скоро зацветут, – ухаживали руки его жены. Господину Чану, которому скоро исполнится восемьдесят, было трудно в одиночку следить за домом и садом, однако он верил, что его покойная супруга на небесах будет довольна, если он хорошо позаботится о ее деревьях и цветах.

Выпив стакан теплой воды, господин Чан взял пульт от телевизора. Пока он смотрел новости, пытаясь проснуться, стиральная машинка тряслась, завершая отжим, а потом записала в знак окончания работы. Господин Чан подошел к машинке и, крикнув, вынул матрас. Он был еще влажным. Осторожно, чтобы не наступить на Чиндоля, который последовал за хозяином в подсобное помещение, господин Чан вышел на улицу. Солнце еще не взошло, однако рассвет занимался рано, поэтому он решил развесить его на бельевой веревке во дворе. Успокоившийся Чиндоль подошел к одному из деревьев, сделал свои дела и начал рыть землю.

– Ну что, Чиндоль? Тебе стало легче?

Чиндоль подбежал к господину Чану и залаял, ласково завиляв хвостом.

– Ш-ш-ш! Наши соседи еще спят, поэтому тебе следует вести себя тихо.

Господин Чан приложил указательный палец к губам, и Чиндоль сразу же замолчал.

– Чиндоль – послушный мальчик! Холодно, пойдем поскорее внутрь!

После обеда в центре для престарелых собралось несколько человек. Район Хондэ славится молодежной творческой атмосферой и бурной ночной жизнью, поэтому группы людей старше семидесяти увидеть здесь можно было нечасто.

– Господин Чан, в последнее время у меня болят колени! Раньше они болели только во время ходьбы, но теперь болят даже тогда, когда я сижу или лежу. Какие лекарства мне принимать? – спросила госпожа Хун, попивая из пластиковой бутылки кофейный напиток.

Господин У, который всегда считал господина Чана соперником, рявкнул:

– Что он может знать? Он не врач и больше не фармацевт. Если у вас что-то болит, то идите в больницу!

– Когда приходишь к врачу, то он посылает на разные снимки и анализы. Это отнимает весь день, – возразила госпожа Хун. – Господин Чан! Пожалуйста, посоветуйте мне какие-нибудь таблетки.

Господин Чан кашлянул и ответил:

– Либо это просто старость, либо износился хрящ...

– Вы спрашиваете человека, которому пришлось закрыть свою аптеку из-за ошибки, – перебил господин У.

Год назад господин Чан, который почти пятьдесят лет проработал в своей аптеке неподалеку от станции Синчхон, неправильно прочитал рецепт и ошибся в дозировке лекарства, после чего оставил должность.

Прочистив горло, господин Чан сказал:

– Я пришлю вам название в мессенджер.

Господин У прищурился и добавил:

– Как я погляжу, вы и дальше собираетесь играть в фармацевта.

– Господин У! Довольно! Для нашего уважаемого господина Чана это большая тема. Мы стареем и должны друг друга поддерживать, а не обижать...

– Кто бы говорил, госпожа Хун! Почему меня вы называете «господин У» да «господин У», а его – «наш уважаемый господин Чан»? Считаете, я недостаточно хорош?!

– Пойдемте, господин Чан. Наверняка бедняжка Чиндоль уже заждался.

Госпожа Хун потянула господина Чана за рукав и вывела на улицу. При виде них Чиндоль, ожидавший хозяина на привязанном поводке, радостно завилял хвостом.

– Чиндоль, радость моя! Как жаль, что из-за озлобленного старика ты не можешь войти внутрь... Смотри, у меня кое-что для тебя есть. – Госпожа Хун полезла в свою красную сумку, связанную крючком, и достала оттуда собачье лакомство со вкусом говядины.

– Ой, ну что вы... Какая роскошь для нашего Чиндоля.

– Ох уж этот господин У! Не принимайте его слова близко к сердцу! В другом центре для престарелых его сторонятся, так он приходит сюда и продолжает со всеми ссориться! Воистину старые привычки умирают с трудом.

Господин Чан улыбнулся:

– Я пришлю вам название хороших пищевых добавок для коленей.

– О, спасибо, господин Чан!

– Не за что. Я рад, что еще могу быть кому-то полезен. Куда вы сейчас? В школу за внучкой?

– Да, уже пора.

– Нам с Чиндолом в ту же сторону. Мы могли бы сделать небольшой круг и проводить вас до школы.

– Нет, мне теперь туда нельзя...

– Вы же собирались забрать внучку?

– Внучка попросила меня не стоять у школы, – понизив голос, призналась госпожа Хун, потирая безымянный палец левой руки, на котором не хватало фаланги. – Она не хочет, чтобы друзья увидели, что у ее бабушки нет пальца... Я потеряла его еще давно, когда работала на швейной фабрике, пытаясь прокормить сына, ее отца. Что мне теперь остается? Я не хочу расстраивать внучку. Если так ей будет лучше, то так тому и быть.

Госпожа Хун горько улыбнулась и снова коснулась безымянного пальца. Порой она шутила о том, что хотела бы носить обручальное кольцо, однако можно было понять, что ей пришлось нелегко. Господин Чан поджал губы и неуверенно кивнул.

Господин Чан и Чиндоль направились в парк Ённамдон. Днем в Ённамдоне было не так многолюдно, как ночью, однако народу все равно гуляло немало. Весна еще не подошла к концу, однако было достаточно тепло, чтобы некоторые люди одевались по-летнему. Господин Чан пересекал небольшой пешеходный переход, ведущий в парк, когда его внимание привлекла девушка, выходявшая из прачечной с кучей белья. В то время как большинство людей ходили с невыразительными лицами и с наушниками в ушах, неотрывно глядя в свои телефоны, эта девушка улыбалась так, словно на нее снизошло озарение. Господин Чан почувствовал непреодолимое желание заглянуть в прачечную, из которой вышла девушка. На вывеске аккуратным и вместе с тем милым шрифтом было написано: «Прачечная самообслуживания „Ённамдон Бингуль-Бингуль“»¹. Каждая буква подсвечивалась теплыми желтыми галогенными лампами. Через большие витринные окна, которые заканчивались примерно на уровне пояса взрослого человека, хорошо просматривалось помещение, а нижняя часть фасада из серого кирпича гармонично сочеталась с рамами цвета слоновой кости, создавая атмосферу чистоты и уюта. Внутри глубоко проникало весеннее солнце, освещая работающие большие стиральные машины. На деревянном столике у окна стояла кофемашина, а низкая книжная полка была заставлена книгами.

– В такой прачечной чувствуешь себя как в библиотеке или кафе. Мир действительно стал лучше, правда, Чиндоль?

Чиндоль в ответ повилял хвостом.

Вернувшись домой, господин Чан первым делом потрогал матрас, висевший на бельевой веревке. Он был еще чуточку влажным, но должен был совсем скоро высохнуть. Проблема заключалась в запахе. То ли моча была такой едкой, то ли старая стиральная машинка плохо справлялась, но запах не исчез. Господин Чан понюхал матрас и поморщился:

– Похоже, сегодня мне не на чем спать...

Знал Чиндоль об опасениях господина Чана или нет, но он лег перед клумбой с красными помидорами черри, греясь в лучах теплого солнца. В следующую секунду раздался звонок в дверь.

– Отец, это мы! Открывай!

Отворив ворота, господин Чан увидел своего сына и невестку. Невестка держала бумажный пакет из универсама, из которого торчали хвостики сушеного минтая.

– Молодцы, что приехали. Спасибо за хлопоты.

– Ну что ты, какие хлопоты. Большую часть работы делает машина, – сказал сын, кладя в карман ключ от порше с эмблемой в виде скачущей черной лошади.

¹ Бингуль-бингуль (кор. #####) – звукоподражание. Такой звук издает что-то крутящееся, в данном случае – барабан стиральной машинки.

Вместе с сыном и невесткой господин Чан провел простую поминальную службу по своей покойной супруге. Она скончалась неожиданно, поэтому у родных не было подходящего портрета для панихиды и они использовали паспортную фотографию, сделанную лет за двадцать до смерти. Панихида должна была закончиться до восьми часов, потому что сыну и невестке нужно было забрать ребенка из английской академии. Не успел тяжелый аромат благовоний рассеяться, как они поспешили убрать с поминального стола.

– Давненько я не видел Сучхана... – задумчиво сказал господин Чан, в его голосе проскользнули нотки разочарования и грусти.

– Не так уж и давно, – возразил сын. – Он приезжал к тебе на Лунный Новый год и совершил традиционный поклон сэбэ, помнишь?

Закончив мыть посуду, невестка пришла из кухни с подносом фруктов и села рядом с господином Чаном.

– Но ведь у вас есть Чиндоль. С ним вам не так одиноко, верно? К тому же днем вы ходите в центр для престарелых, наслаждаетесь солнышком и все такое, – заметила она, ловко нарезая грушу.

– Да, я рад, что у меня есть Чиндоль. Мы гуляем и осматриваем окрестности. Здесь появилось много интересных заведений.

– Интересных заведений? – переспросил сын.

– Да. Например, сегодня я видел прачечную, похожую на кафе. Внутри можно пить кофе и читать книги. В наши дни люди не могут без кофе. Куда ни пойдешь – везде есть кофе. Говорят, кофеин полезен, но он вызывает привыкание. Лучше пить ячменный или зеленый чай. Тебе бы тоже следовало пить чай вместо кофе на работе.

– Не беспокойтесь, отец. Я слежу за его здоровьем, – заверила невестка.

– Папа... – Сын нервно сглотнул, прежде чем продолжить. – Раз уж зашла речь о доме...

– Довольно. Больше ничего не говори.

– Ты даже не выслушал!

– Мне и не нужно. Это все та же старая история, да? Ты снова предлагаешь превратить дом в какое-нибудь заведение и сдать в аренду. А я должен переехать в какую-нибудь маленькую квартирку!

– Не сердись, просто послушай. Моя золовка, сценаристка, купила здание в этом районе и сдает его. Хорошо иметь стабильный источник дохода. Кроме того, этот район очень популярен, его даже прозвали «Ёнтральный парк», как парк в Нью-Йорке! Ты сказал, что в окрестностях появилось много интересных заведений. Другие люди пытаются заработать, вон даже прачечные открывают, но ты почему-то настаиваешь на том, чтобы одному жить в таком большом доме!

Невестка аккуратно нарезала грушу, положила ее на тарелку и легонько подтолкнула мужа локтем.

– В его словах есть смысл. Вам уже сложно содержать это место в одиночку, да и убираться здесь непросто. Я посмотрела расценки. Аренда коммерческой недвижимости пользуется в этом районе большим спросом. Доход от сдачи дома может превзойти ваши ожидания, отец. Этот вариант лучше, чем закрыть второй этаж.

– Я уже сказал и скажу еще раз: нет. Я не хочу, – твердо ответил господин Чан, однако его сын продолжал настаивать:

– Наш Сучхан поступил в частную школу Фэрмонт в округе Ориндж. Знаешь, сколько стоит обучение? По меньшей мере сто миллионов в год! Моя жена поедет с сыном. Ты хоть представляешь, сколько еще денег им понадобится на жилье, транспорт и проживание?!

– Ориндж? Вы хотите отправить Сучхана в Америку?

– Разве можно добиться успеха, окончив обычную школу?

– Я отправил тебя в обычную школу, и тем не менее ты стал врачом и работаешь в университетской больнице. Я добился того, что имею, хотя ходил в школу с одним-единственным карандашом!

– Опять ты об этом... – покраснев, тихо пробормотал сын.

– Чего тебе не хватает? Ты живешь в хорошей квартире в Каннаме. Почему тебе все время мало? Просто живи, как все! Что ты сказал, когда переехал в эту квартиру на мои деньги? Ты сказал, что хочешь жить, как все!

– Отец, кто в наше время живет, как все? Мы должны делать больше, чтобы жить лучше. Вот почему мы пытаемся дать нашему Сучхану лучшее образование...

– Об этом и речь! Почему ты вечно сравниваешь себя с другими? Ты страдаешь сам, но в конечном итоге куда больше пострадает Сучхан! Если воробей попытается ходить, как аист, то переломает себе ноги².

Сын покачал головой, показывая, что отец ничего не понимает, потом встал и взял плащ.

– Тогда оставайся здесь до конца жизни, цепляясь за свои драгоценные воспоминания, которые ничего не стоят. Дорогая, пойдем. Мы опоздаем к Сучхану.

Отложив в сторону грушу, невестка встала, коротко поклонилась господину Чану и последовала за мужем к выходу. Господин Чан сел на диван, и к нему подошел Чиндоль. Вскоре послышался звук закрывающейся двери.

– Неужели следует избавиться от всех своих воспоминаний, если они не приносят денег? Как думаешь, Чиндоль?

Чиндоль посмотрел в грустные глаза хозяина и лизнул его морщинистую руку.

Господин Чан в один прием проглотил более пяти видов пищевых добавок, среди которых были омега-3, биотин, кальций, магний и поливитамины. Потом он зафиксировал входную дверь так, чтобы та не закрылась и Чиндоль смог выйти, принес со двора матрас, разложил в гостиной и лег. Тот высох, но, переворачиваясь, господин Чан все равно чувствовал запах мочи.

– А ведь я использовал суперконцентрированный ополаскиватель для белья, который рекомендовали в супермаркете...

Стараясь двигаться как можно меньше, господин Чан разблокировал телефон, открыл YouTube и медленно просмотрел каналы, на которые был подписан. В основном политические и по садоводству.

– Ой! Я же обещал написать госпоже Хун...

Только теперь господин Чан вспомнил, что собирался отправить госпоже Хун список пищевых добавок, полезных для коленей. Он записал названия шести из них и отправил сообщение.

* * *

За те пятьдесят лет, что господин Чан управлял своей аптекой, он никогда не брал дополнительные выходные. Он любил повторять, что аптека должна оставаться открытой даже тогда, когда закрыта больница, и помогать нуждающимся. Жена господина Чана не одобряла такой подход, однако восхищалась его ответственностью. Когда она оставалась одна, то присматривала за домом, как сейчас это делал господин Чан. Один раз в неделю, когда аптека была закрыта на выходной, супруги ездили в оранжерею в Коян, чтобы купить саженцы и семена для своего сада. Разные цветы и финиковое дерево, которые пустили корни во дворе и со временем переросли забор, были для господина Чана достаточной причиной не превращать дом в кафе или прачечную.

² Корейская поговорка, русский эквивалент: «Гусь свинье не товарищ».

Он не мог заснуть из-за резкого запаха, который чувствовал каждый раз, когда переворачивался с боку на бок. Внезапно перед глазами мелькнула круглосуточная прачечная «Бингуль-Бингуль». Господин Чан встал и сложил матрас. Он был односпальным, поэтому идеально поместился в полиэтиленовый пакет для кимчи. Господин Чан взял Чиндоля, и они вместе направились в прачечную.

Время близилось к одиннадцати, и на улицах Ённамдона кипела жизнь. Разве алкоголь не требует сил? Теперь, когда господин Чан не мог выпить даже двух стаканов рисового вина чхончжу, он завидовал энергичным молодым людям, которые пили пиво, сидя прямо на траве. Чиндоль шел рядом с хозяином, не отставая ни на шаг.

Вскоре они оказались перед прачечной. Господин Чан собирался привязать Чиндоля к месту, которое бы просматривалось из окна, но потом заметил табличку с надписью «Животным вход разрешен» и завел пса внутрь. Потом изучил руководство по использованию стиральных машин – написанное крупными, разборчивыми буквами, оно, по-видимому, было рассчитано на пожилых людей. Разобраться в нем оказалось легко.

Господин Чан положил в стиральную машину пахнущий мочой матрас и два листовых смягчителя для белья с необычным запахом, который он нигде больше не встречал. Привязав Чиндоля у двери, господин Чан подошел к книжной полке, подыскивая какую-нибудь книгу, но ни одна не привлекла его внимания. Тогда он сел за столик и посмотрел в окно, любуясь вечерним парком.

– Все становится воспоминаниями. Верно, Чиндоль? Сколько бы денег у тебя ни было, время не повернуть вспять. Ушедшую молодость не вернуть даже за все богатства мира...

Чиндоль вильнул хвостом, словно соглашаясь.

– Как бы мне хотелось, чтобы ты мог говорить...

Взгляд господина Чана упал на ярко-зеленый ежедневник, который лежал на столе.

«Наверное, его кто-то забыл», – решил господин Чан и хотел было отодвинуть ежедневник в сторону, однако потом заметил, что он выглядит так, словно прошел через множество рук. Любопытство заставило господина Чана открыть ежедневник.

В углу первой страницы аккуратным почерком было написано: «Мир, где каждый может расслабиться и хорошенько поспать». Судя по тому, что слова отпечатались на следующих страницах, они были выведены с большой силой. Этот дневник с ярко-зеленой обложкой отличался от обычных дневников, в которых описывается повседневная жизнь. На годовом календаре красными звездочками были отмечены некоторые даты. «Двадцать пятое ноября. Что это за день? Рождество в декабре... Может быть, двадцать пятого ноября у владельца дневника день рождения?»

На следующей странице большими буквами были написаны три слова: «Встреча, дроп, доставка», за которыми следовало описание какой-то схемы с загадочными пометками типа «Район 1–1, район 1–2, район 1–3». На последней странице та же рука оставила набросок мужского лица. Узкие вытянутые глаза, короткие невыразительные брови, высокий, но слегка изогнутый нос и тонкие губы.

Лицо выглядело знакомо. Господин Чан был уверен, что встречал этого человека прежде, однако не мог вспомнить когда и где. Он долго вглядывался в рисунок, а потом внимательно изучил каждую страницу дневника, но не обнаружил никаких подсказок, которые указывали бы на личность этого человека. Возможно, кто-то нарисовал свой автопортрет? Господин Чан долго копался в памяти и вспомнил даже то, что происходило давным-давно, однако так и не понял, кто изображен на рисунке.

От напряженных размышлений заболела голова, и господин Чан решил забыть о рисунке. Ожидая, пока закончится стирка, он принялся читать дневник. Там было все, начиная от жалоб на скуку и рекомендаций ресторанов в Ённамдоне, где можно поужинать в одиночестве, и заканчивая вопросами вроде «Что мне надеть на свидание вслепую?», за которыми следовали

ответы. Кто бы ни оставил здесь этот дневник – владелец прачечной или кто-то из посетителей, – со временем он превратился в сборник забот и размышлений разных людей.

«Я не хочу жить. Почему жизнь такая трудная?»

Записей было много, однако внимание господина Чана остановилось на этой. Ответов на нее не было. Возможно, никто не хотел вскользь комментировать чужие беды или вмешиваться. После долгих раздумий господин Чан взял со стола ручку и начал писать аккуратным каллиграфическим почерком:

«Бактерии, что находятся в почве, могут действовать как антидепрессанты. Молодежь не любит выражение «а вот в мое время», однако есть одна старая поговорка: «В детстве мы играем в грязи». Помните то время? Время беззаботного счастья, когда мы, сами того не зная, прикасались к земле и освобождались от печали? Я рекомендую вам вырастить комнатный цветок. Возитесь в земле, купайте свой цветок в солнечном свете, поливайте его, время от времени проветривайте, да и сами побольше дышите свежим воздухом. Вы почувствуете себя намного лучше, и будет трудно сказать, заботитесь вы о цветке или это цветок заботится о вас».

Закончив свое послание, господин Чан отложил ручку. Когда он начинал писать, цикл сушки был на середине, но теперь он подошел к концу.

«Надеюсь, мой совет хоть немного поможет автору этих слов...» – подумал господин Чан. Встав из-за стола, он открыл сушилку, вынул матрас и уткнулся в него носом. Неприятный затхлый запах бесследно исчез. Господин Чан чувствовал, что будет частенько приходить в эту прачечную. Он упаковал тонкий матрас в пластиковый пакет, который принес с собой, и взял поводок Чиндоля.

Выйдя из прачечной, господин Чан зашел в расположенный по соседству минимаркет, встал у холодильника и принялся выбирать напиток. Ему хотелось дать автору той записи нечто большее, чем простой совет, – возможно, что-нибудь богатое витаминами. Он выбрал большую бутылку витаминного тоника, заплатил и, вернувшись в прачечную, поставил бутылку рядом с ежедневником. В следующее мгновение дверь распахнулась, и на пороге появилась женщина лет тридцати с небольшим. Время было уже за полночь. При виде господина Чана женщина вздрогнула. Под глазами у нее чернели круги, а из бельевого корзинки выглядывала розовая пижама с клубничным узором – скорее всего, детская. Учитывая испуганный взгляд и детскую пижаму, господин Чан задумался, не эта ли женщина оставила сообщение, на которое он ответил.

За время работы в аптеке господин Чан не раз встречал женщин, страдающих послеродовой депрессией. Они рассказывали о том, что постоянное внимание к нуждам ребенка заставляет их сердце биться быстрее, а также вызывает тревогу и чувство беспомощности, и просили антидепрессанты. Господин Чан мог бы дать им «Ноиромин», который помогает справиться с депрессией, однако вместо этого он рекомендовал есть мидии – для здоровой щитовидки – и мед, он содержит полезные вещества для профилактики. «Если легче не станет, то я дам вам таблетки», – с доброй улыбкой говорил он и давал посетительницам тонизирующий тоник в подарок.

Обеспокоенный тем, что женщина перестанет писать в дневнике, если узнает, что ее личность раскрыта, господин Чан покинул прачечную. Он шел медленно, надеясь, что если она и правда автор той записи, то скоро прочтает его ответ. Однако женщина осторожно выглянула на улицу, словно осознавая присутствие господина Чана, и принялась загружать белье в стиральную машинку.

* * *

– Мама, я описалась...

Нахи вошла в родительскую спальню и попыталась разбудить Миру, лоб которой был исполосован морщинами, такими четкими и глубокими, словно их вырезали. Нахи потрясла Миру, а когда та не проснулась, тронула плечо лежавшего рядом отца.

– Эй, Мира... Чон Мира! Нахи говорит, что обмочилась, – сказал Учхоль с легким раздражением в голосе.

– Мм...

Учхоль потряс Миру за плечо. Та издала тихий стон, медленно села и увидела Нахи, грустно стоящую у кровати.

– Нахи, ты описалась?

– Да... Я пыталась не писаться, честно! Но мне приснилось, что я сижу на унитазе... Постель теперь вся мокрая...

– Ничего страшного, все хорошо. Пойдем в уборную, милая.

Мира подхватила дочь на руки и отнесла в ванную комнату. Ее беспокоило, что Нахи так часто писается по ночам, а ведь в следующем году она пойдет в начальную школу! Мира положила мокрое одеяло в свободный угол маленькой ванной комнаты, в которой не было ванны, включила лейку душа и сполоснула одеяло под струей воды.

У нее вырвался тяжкий вздох.

– Мама, прости... – пробормотала Нахи.

– Все хорошо, моя милая. Мама просто очень хочет спать.

Эти ранние подъемы, которые повторялись ежедневно, давались Мире нелегко. Она подумывала о том, чтобы вернуться к подгузникам, но боялась, что это может усугубить проблему. Она переодела Нахи в чистые трусики и новую пижамку с клубничным узором, после чего уложила в постель, села рядом и начала читать сказку.

Через некоторое время Нахи заснула, и Мира ласково погладила дочь по маленькой, ритмично поднимающейся и опускающейся груди. Потом устало провела рукой по лицу. Она и сама не заметила, как заснула рядом с дочкой.

Разбудил ее голос Учхоля:

– Если хочешь спать, то спи нормально, в постели. Так ты не выспишься! Ты вечно жалуешься на недосып.

Открыв глаза, Мира увидела, что он уже одет в рабочую униформу.

– Я не высыпаюсь не потому, что сплю в неправильной позе. Ты мог хотя бы иногда вставать к Нахи, когда она писается! Но нет, ты каждый раз будишь меня!

– Нахи всегда просится к тебе... К тому же мне рано вставать на работу.

– А как насчет времени, когда я работала? Разве мне не надо было рано вставать на работу? Разве я не сидела тогда ночами с Нахи, успокаивая ее и укладывая спать? Придумай оправдание получше или честно скажи, что тебе лень! – взорвалась Мира, не в силах больше сдерживаться.

До замужества Мира продавала косметику китайским туристам в дьюти-фри неподалеку от Хондэ, самого популярного молодежного района в городе. После рождения дочери ей пришлось вернуться на работу, поскольку одной зарплаты было недостаточно, чтобы прокормить семью. Нахи отдали в ясли. Выйдя из декретного отпуска, Мира через некоторое время обнаружила, что жизнь значительно подорожала.

Няня, которая присматривала бы за Нахи после детского сада, обходилась почти в два миллиона вон за две недели. Оплата за месяц превысит зарплату Миры, и работать будет бессмысленно. В результате последние два года Мира сидела с Нахи дома, полагаясь на скромный доход Учхоля, который работал мастером по ремонту котлов.

Нахи заворочалась во сне.

– Тише, Нахи проснется! Прости, дорогая. Мне следует стараться больше. Сейчас я пойду на работу и принесу домой много денег!

Глядя на понурившегося Учхоля, который отправился на работу ни свет ни заря, Мира пожалела о своей вспышке. Она встала и начала готовить завтрак для Нахи. Когда по комнате поплыл запах яичного супа и жареных цуккини, девочка проснулась.

– Яичный суп! Вкуснятина!

– Да, готовлю твой любимый яичный суп. Вставай и умывайся. Ты ведь сможешь почистить зубы сама, да?

– Да! Мне уже семь лет!

У Нахи было хорошее настроение, поэтому Мира надеялась, что сегодня утренние сборы пройдут гладко.

Мира махала рукой, пока желтый детский автобус не скрылся из виду, а потом вернулась домой. Они жили в небольшой двухкомнатной квартирке, которая располагалась на окраине Ённамдона, довольно-таки далеко от парка Ёнтраль. Балкон старого дома использовался как кладовая, и она закрывала большую часть света. Окна выходили не на южную сторону, поэтому после одиннадцати солнечные лучи сюда совсем не попадали.

Мира положила в стиральную машину описанное одеяло и другую одежду. Добавила порошок, закрыла крышку и запустила машину. Пока она прибиралась, слышался глухой звук, а за ним – стоны. Мира густо покраснела. Интересно, кто из соседей занимается любовью с утра пораньше? Стоны звучали непрерывно, и она усмехнулась. Однако даже после того, как она помыла посуду, шум продолжался. Мира зашла в подсобку и обнаружила, что источником странных звуков была стиральная машина.

Прошло четыре года с тех пор, как они переехали в этот дом. Изначально Мира планировала купить небольшую квартиру, взяв на свое имя кредит и собрав все мыслимые и немыслимые накопления, однако банк отказал Мире в кредите, поскольку она не работала. Тогда они в спешке переехали сюда. Домовладелец утверждал, что квартира полностью меблирована и что в ней есть и стиральная машина, и кондиционер, что очень понравилось Мире, поскольку она не хотела покупать новую технику и мебель, пока не обзаведется собственным жильем. Она опасалась, что новая мебель может не поместиться в новой квартире, куда они потом переедут. Кроме того, их финансовое положение было не настолько благополучным, чтобы позволить себе жилье лучше этого.

После переезда Мира начала сомневаться в словах домовладельца о том, что бытовая техника была новой, – уж слишком часто ломалась. Недавно Учхоль попытался починить стиральную машину самостоятельно, но, похоже, сделал только хуже, поскольку теперь она не только гремела, но и издавала жуткие стоны!

Дзынь-дзынь.

Прозвенел дверной звонок, и Мира ответила по интеркому. Пришла соседка снизу, которая работала из дома и жаловалась, что неприличные стоны, доносящиеся из их квартиры, мешают ее деловым созвонам.

– Простите, пожалуйста. Мне правда очень жаль! Но все не так, как вы думаете. Это шумит стиральная машинка...

Повесив трубку, Мира торопливо выключила стиральную машину.

«Дурацкая стиралка, будь она проклята!» – подумала Мира и в сердцах стукнула технику. Прошло уже более полугода с тех пор, как они с мужем занимались любовью. Она вытаскивала белье и отжала его вручную. Вода капала на разбитую синюю плитку, которой был выложен пол подсобки. Чем больше она выжимала одежду, тем больше нарастали усталость и гнев. Она позвонила агенту по недвижимости.

– Здравствуйте! Это Чан Мира, арендатор из виллы Вончжин, квартира на третьем этаже. Стиральная машина сломана, – взяв себя в руки, спокойно сказала Мира. – В интернете напи-

сано, что если бытовая техника включена в договор аренды, то домовладелец должен ее починить...

– Здравствуйте, госпожа Чан. Я как раз собирался вам звонить... – перебил агент по недвижимости, мужчина лет тридцати. – Срок действия договора подходит к концу, и после его истечения домовладелец хочет увеличить задаток в чонсэ³. Вы ведь знаете, какие сейчас цены на рынке? Когда вы переехали, квартира досталась вам на очень выгодных условиях....

– Неужели прошло уже почти два года? Как летит время... На какую сумму домовладелец хочет увеличить депозит?

– На пятьдесят миллионов вон.

– На пятьдесят миллионов?! – удивленно переспросила Мира, которая ожидала, что речь пойдет максимум о тридцати.

– Да. Изначально домовладелец просил семьдесят, но мне удалось сбить цену.

– Пятьдесят миллионов – это слишком много. К тому же квартира находится далеко от метро и в ней всего две комнаты... Пожалуйста, поговорите с домовладельцем еще раз!

– Хорошо. Заодно подниму вопрос о стиральной машине.

– Нет! Забудьте о стиральной машине, мы сами с ней разберемся. Пожалуйста, просто обсудите с ним сумму депозита. Для нас это очень важно! Переезжать каждые несколько лет довольно накладно – это и услуги риелтора, и аренда транспорта для перевозки вещей... Наша Нахи только привыкла к детскому саду, а скоро и о школе нужно будет подумать. Сделайте все, что в ваших силах, очень вас прошу! И перезвоните, пожалуйста, до конца дня. Я буду ждать вашего звонка.

Еще раз повторив свою просьбу, Мира отключилась и вздохнула, не выпуская из рук телефон. Сердце колотилось как сумасшедшее. Она попыталась позвонить Учхолью, но он не ответил – видимо, ремонтировал чей-нибудь котел. Мира закончила отжимать белье, встряхнула его и повесила на сушилку.

Когда за ужином Мира рассказала Учхолью о повышении депозита, атмосфера стала такой же холодной, как остывшее рагу с кимчхи, которое стояло на столе. Почувствовав повисшее на кухне напряжение, Нахи спросила:

– Мама, что такое «депозит»?

– Ты еще слишком маленькая, чтобы беспокоиться о таких вещах, дорогая.

– Если мы будем переезжать, то давайте выберем дом с качелями! А лучше давайте переедем в Тэхён! Там живут все, кто ходит со мной в садик! После садика они играют на детской площадке возле дома, а мне нельзя там играть, потому что мы там не живем. Говорят, на этой площадке очень весело! Давайте переедем в Тэхён.

Нахи беззаботно мечтала о переезде в дорогой и престижный жилой комплекс Тэхён, даже не подозревая о том, что родители переживают из-за пятидесяти миллионов вон. Затем, словно по команде, зазвонил телефон Миры. Это был агент по недвижимости. Мира включила громкую связь.

– Здравствуйте! Вы переговорили с домовладельцем?

– Боюсь, нам не удалось продвинуться. Домовладелец непреклонен. Дело в том, что после перезаключения контракта он планирует продать все здание. Трудно вести переговоры, когда депозит влияет на стоимость всего здания.

После долгого молчания Мира сказала:

– Скажите, куда мы можем переехать с нашим бюджетом?

³ Чонсэ (кор. #) – типичный в Южной Корее тип договора, когда в качестве задатка одновременно вносится большая денежная сумма, равная 50–80 % стоимости жилья, после чего арендатор может проживать в течение всего периода договора без ежемесячной оплаты за аренду. По окончании контракта сумма депозита возвращается арендатору.

– Сложно, сложно... Как вы знаете, за последние пять лет цены на жилье выросли более чем вдвое. То же самое можно сказать и про депозит. Я поищу варианты и свяжусь с вами. Однако не хочу вас обнадеживать. Возможно, вам стоит подумать о том, чтобы поискать квартиру немного подальше – например, в провинции Кёнгидо.

Учхоль растерянно провел рукой по лицу:

– Пятьдесят миллионов...

– Мы не можем себе этого позволить. У нас нет таких денег.

Нахи, которая кружила вокруг стола и ела рис, завернутый в водоросли, вмешалась:

– Мама, что такое пятьдесят миллионов? Это что-то хорошее?

– Ким Нахи! Я же говорила не ходить по дому с едой! Ты разбрасываешь крошки от водорослей! Ты и в школе собираешься себя так вести? Остальные дети едят нормально, а ты одна ходишь и мусоришь! – сердито рявкнула Мира, напугав Нахи.

Открыв рот, девочка разрыдалась, и по лицу потекли слезы, смешанные с пережеванным рисом.

– Мира, зачем ты кричишь на ребенка? Нахи, иди к папочке. Все хорошо, дорогая. Не плачь.

Учхоль ласково обнял Нахи, пытаясь ее утешить. Мира почувствовала, как ее лицо горит от стыда. Она же собиралась держать себя в руках! Как она могла сорваться на ребенка?

Обидевшись на маму, Нахи попросила, чтобы сегодня отец уложил ее спать. Миру разрывали противоречивые чувства. С одной стороны, она понимала, что провинилась перед дочерью, но с другой – радовалась возможности побыть в одиночестве и подумать. Нахи бодро болтала до полуночи, пока наконец не заснула. Измученный Учхоль отключился почти мгновенно.

Мира проверила белье. Даже пролежав на сушилке полдня, оно по-прежнему оставалось мокрым – из-за стонов стиральной машины Мира не стала дожидаться, пока та закончит отжим. Одежда, в которой Нахи должна пойти завтра в детский сад, тоже не успела высохнуть. Мира снова попыталась выжать белье, но не смогла. Она хотела было отправить Нахи в том же наряде, что и сегодня, но потом передумала. А вдруг воспитатели начнут относиться к девочке хуже? Если даже дети потихоньку начинают дразнить Нахи за то, что она живет в двухкомнатной квартире, а не в фешенебельном жилом комплексе...

Мира решила сходить в прачечную и, положив мокрое белье в корзину, направилась к дверям. Выйдя из тихого переулка, где находился их дом, она оказалась на ярко освещенной магистрали улицы возле административного центра района Ённамдон. На деревьях, растущих вдоль парковой дороги, появлялись зеленые почки. В какой песне поется: «Ты такая хрупкая, что, кажется, стоит тебя коснуться, и ты рассыплешься на тысячи светящихся осколков»? Вот и сейчас казалось, что весна может рассыпаться от малейшего прикосновения. Мимо прошла девушка в темно-синей юбке и на высоких каблуках, за которой тянулся шлейф духов. Мира невольно остановилась, с тоской глядя ей вслед. Бойкий стук каблучков и уверенная походка напомнили ей себя в юные годы.

Перехватив корзину для белья, она пошла дальше и минут через пять увидела какую-то прачечную. Зайдя внутрь, она обнаружила, что даже просто высушить белье будет довольно дорого. Тогда она вспомнила, что видела неподалеку новую прачечную... «Ённамдон Бингуль-Бингуль» – кажется, так она называлась? Мира вышла и направилась вдоль парка. Давненько у нее не было возможности побыть наедине с собой и своими мыслями... Сейчас даже обычная прогулка с весенним ветерком казалась чем-то волнующим. В приподнятом настроении Мира вошла в прачечную «Ённамдон Бингуль-Бингуль». Цены здесь были ниже, чем в другом заведении. Это стоило того, чтобы немного пройтись. Мира положила одежду Нахи в сушилку, добавила туда ароматизатор, который обещал «фирменный аромат», и нажала на кнопку включения. Машинка была установлена на режим быстрой сушки – придется подождать всего около тридцати минут.

Она медленно огляделась. Освещенная теплым желтым светом, прачечная казалась довольно уютной. Но, что самое главное, здесь никого не было, и Мира могла насладиться одиночеством. И тут из динамиков заиграла песня, которая ей нравилась. Это была песня Nobody группы Wonder Girls, двадцатичетырехлетняя Мира смотрела клип по телевизору, когда еще не было ни YouTube, ни смартфонов. Тело откликнулось на музыку, совершая хорошо знакомые, привычные движения. Указательный палец правой руки вверх, поворот головы направо. Потом левый указательный палец вверх, поворот головы налево. Даже после стольких лет она идеально попадает в ритм! Началась следующая песня, и Мира решила спеть и ее. Она вспомнила концерт, на который попала на университетском фестивале, и запрыгала – пусть и не так, как в молодости, но вновь переживая огненные оттенки своих студенческих дней.

Давненько она не пела так долго, чтобы запыхаться... Переполняемая эмоциями, Мира внезапно расплакалась. Она плакала так же горько и самозабвенно, как Нахи. К счастью, никто не вошел в прачечную, пока Мира давала волю чувствам.

* * *

Теперь одежда пахла цветами хлопка – фирменным ароматом прачечной «Ённамдон Бингуль-Бингуль». Нахи довольно уткнулась носом сначала в одеяло, потом в свою одежду. Она даже самостоятельно надела носки и попросила Миру отвести ее на автобусную остановку. Мира, настроение которой значительно улучшилось по сравнению со вчерашним днем, взяла Нахи за руку и вышла из дома. Желтый детский автобус ждал на повороте.

В детском саду вежливо попросили, чтобы родители доводили Нахи до въезда в переулок – мол, сам переулок узкий, автобусу будет трудно развернуться. Мира согласилась, пусть даже в тот момент чувствовала себя неловко. Посадив дочку в автобус, она с улыбкой помахала ей на прощание и вернулась домой. Заметив в гостиной беспорядок, Мира покачала головой и принялась за работу: убрала развивающие карточки и игрушку, с которой Нахи возилась утром, после чего пошла на кухню. Открыв кран, залила водой полную посуды раковину. На поверхность всплыли кости скумбрии, которую съел Учхоль. Голые, тщательно обсосанные кости напоминали выступающие костяшки на ее собственных руках, держащих губку. Эта мысль испортила настроение.

Прибравшись, Мира глубоко вздохнула, пытаясь собраться с силами, и позвонила отцу. Он ответил после нескольких гудков:

– А, Мира, это ты!

– Папа, привет... Как поживаешь?

– Ничего нового, все как всегда. Что-то случилось?

Мира вдруг поняла, что не может обсуждать денежные вопросы с отцом, который работает таксистом в Пусане. Она знала, что ему и так приходится нелегко, особенно в свете новостей о том, что крупные корпорации собираются монополизировать услуги такси. Мира почувствовала себя плохой дочерью.

– У меня тоже ничего нового. Папа, ты сейчас за рулем? – Отец разговаривал на пусанском диалекте, поэтому Мира тоже перешла на него.

– Не думал, что после стольких лет в Сеуле у тебя останется акцент.

– Конечно! Можно увести девушку из Пусана, но не Пусан из девушки. Ты сейчас с пассажиром?

– Нет, я в больнице.

– Что? Почему?

– Да вот, живот заболел. Делаю эндоскопию желудка и толстой кишки. Твоя мама здесь, со мной. Передать ей телефон?

– Нет, не надо. Вам наверняка не до этого. Удачи с осмотром. Давно у тебя болит живот?

- Не волнуйся обо мне. Скажи лучше, как там Нахи и Учхоль?
- Все хорошо, не беспокойся о нас. Лучше позаботься о своем здоровье.
- Как скажешь. Ладно, мне пора. Кладу трубку.

Услышав на заднем плане шум университетской больницы, Мира поспешила завершить разговор. Она почувствовала облегчение, что не упомянула о своих финансовых трудностях, особенно после того, как узнала, что отец нездоров. Она снова задумалась о том, откуда взять пятьдесят миллионов вон. Взяв телефон, она сделала еще один звонок.

- Магазин дьюти-фри Чинхё слушает.
- Здравствуйте, менеджер. Это Чон Мира, раньше я работала в третьем отделе, с китайскими клиентами.

После недолгого молчания голос удивленно воскликнул:

- Здравствуйте, Мира! Как поживаете?
- Хорошо. А вы? Я звоню потому, что...
- Вы ищете подработку на неполный рабочий день, верно?

– Да, я оказалась в ситуации, когда не могу позволить себе не работать. Банки отказывают мне в займе, потому что я безработная. Извините, что звоню спустя столько времени и вываливаю на вас свои проблемы...

– Не извиняйтесь. Я понимаю вашу ситуацию. Но сейчас нам не выгодно нанимать работников на полставки, – с искренним сочувствием ответила менеджер Чон, женщина лет сорока пяти, которая всегда относилась к Мире с теплом и пониманием, когда та работала в дьюти-фри.

– Я отдала дочку в детский сад, и теперь мне кажется, что она становится все инфантильнее, и мне больно оттого, что она целыми днями сидит взаперти... Было бы здорово найти работу с девяти тридцати до трех тридцати или даже четырех часов...

– Как женщина, которая прошла через то же самое, я всем сердцем вам сочувствую, Мира. Но с работой все сложно.

– Да, я так и думала. Такое ощущение, будто я позвонила вам, чтобы пожаловаться на жизнь. Простите меня, менеджер.

– Не извиняйтесь. Я рада была услышать вас.

Напоследок менеджер немного злоеще предупредила, что после того, как ребенок пойдет в школу, ему еще больше потребуются помощь и поддержка матери.

В голове болезненно пульсировало. Мира не ожидала, что найти деньги будет так сложно. Она на мгновение подумала о том, чтобы позвонить родственникам мужа, но быстро отказалась от этой идеи. Вместо этого она открыла приложение для поиска недвижимости, выбрала район Мапогу и ввела сумму аренды. Количество совпадений – ноль. Возможно, остаться в их нынешней квартире – лучший вариант, учитывая, что компания Учхолья находится в Согёдоне и что если Мира вернется на работу, то будет работать в Хондэ. Она все еще надеялась вернуться на прежнюю работу.

Мира, которая с высокими оценками окончила двухгодичное обучение по программе «Китайский язык и деловые коммуникации», была хорошим специалистом по работе с китайскими клиентами. Она успешно продавала косметику, время от времени получая щедрое чаевые от богатых покупателей и премии как образцовый сотрудник. Она считала, что обладает всеми необходимыми навыками для этой работы, и не хотела менять сферу деятельности. Кроме того, найти компанию, которая примет ее после затянувшегося декрета и подстроится под ее график, казалось почти невозможным. Такое ощущение, что совмещать работу и материнство могут только героини дорам.

«Если бы няни падали с неба, то я бы со спокойной душой отправилась на работу», – подумала Мира. По мере того как она расширяла радиус поиска, количество объявлений постепенно увеличивалось. Через некоторое время она добралась до Ильсана, однако так и не нашла

вариантов, которые были бы им по карману. Деньги – это вечная проблема. После нескольких часов разглядывания маленького экрана своего телефона Мира вновь почувствовала прилив гнева. В такие моменты холодный душ – лучшее решение, а не то кожа покроется сыпью и начнет зудеть. Она постояла под холодными струями, ополоснулась с головы до ног, потом наспех вытерлась и, завернувшись в полотенце, вышла из ванной комнаты. В следующую секунду входная дверь распахнулась и на пороге появился Учхоль, державший за руку заплаканную Нахи.

– Учхоль? Что происходит? Что ты здесь делаешь?

От неожиданности Мира вздрогнула и уронила полотенце. Она не понимала, что произошло, но, увидев, что Нахи плачет навзрыд, позабыла обо всем на свете и бросилась обнимать дочь.

– Мама, мамочка...

Однако Нахи продолжала плакать и звать маму, давая понять: случилось что-то ужасное. Вскоре Мира оделась и дала Нахи пакетик бананового молока, чтобы успокоить. Нахи вынула желтую соломинку из прозрачной обертки и опустила ее в молоко. Через некоторое время позвонили из детского сада.

Мира глубоко вдохнула и ответила:

– Здравствуйте. Я слышала о том, что случилось...

Директор детского сада, женщина лет пятидесяти, поспешила ее успокоить:

– Вы, наверное, перепугались? Мы не смогли до вас дозвониться, поэтому нам пришлось срочно связаться с вашим мужем.

– Да... Я слышала о том, что случилось, но не знаю подробностей. Чжиху сильно пострадал?

– Ну... у него царапина на лице, примерно в сантиметре от глаза. Мне это кажется незначительным, но мать Чжиху думает иначе, тем более что речь о лице. Она хочет извинений.

– Вы смотрели записи с камер видеонаблюдения?

– Да, смотрели. Чжиху не трогал Нахи. Не знаю, почему Нахи утверждает обратное. Конечно, дети могут привирать, когда они напуганы. Но...

Мира тяжело вздохнула.

– У вас есть номер матери Чжиху? – поинтересовалась директор.

– Да, он должен быть где-то в групповом чате. Я с ней свяжусь. В любом случае мне очень жаль.

– Надеюсь, вам удастся уладить этот конфликт. Если хотите посмотреть записи с камер, то можете прийти в любое время. Мне очень жаль, что мы не уследили за детьми.

Директриса говорила мягко и спокойно – совсем как в прошлый раз, когда речь шла о том, чтобы автобус останавливался на повороте. Искренность ее уважительного отношения к другим вызывала благодарность. Вот и сейчас директриса рассказала о том, что Чжиху и Нахи поссорились из-за игрушки, после чего Нахи ударила Чжиху по лицу. Мира волновалась. Чжиху пришел в детский сад только на прошлой неделе, поэтому она никогда не встречала его мать. А что, если с ней сложно иметь дело? А вдруг мальчик серьезно пострадал? После разговора с директрисой разум Мира был в смятении.

– Мамочка, я допила! А еще я хочу щенка, – осторожно сказала Нахи, которая заметно повеселела после бананового молока.

– Нахи, милая, почему ты ударила Чжиху?

– Мамочка, можно нам завести щенка?

– Ким Нахи! Я спросила: почему ты ударила Чжиху?

– Он ударил меня, – угрюмо ответила Нахи, видя, что Мира ее не слушает.

– Директриса сказала, что все видела. Чжиху тебя не бил. Ты врешь, Нахи?

– Он правда меня ударил! Было больно здесь, – плаксиво сказала Нахи и указала на свой локоть.

Мира осмотрела оба локтя девочка, но не обнаружила никаких следов удара. Тогда она еще строже спросила:

– Правда? Чжиху правда тебя ударил? У тебя будут неприятности, если ты врешь.

Помолчав, Нахи ответила:

– Я не вру!

Судя по всему, успокоительный эффект бананового молока улетучился. Нахи приняла обиженный вид и снова заплакала. В следующую секунду Учхоль вышел из спальни, где переодевался.

– Почему ты не ответила на звонок? Нахи плакала и звала маму, а ты не отвечала. Чем ты здесь занималась?

– Я была в душе, – ответила Мира, подавляя нарастающее раздражение.

– Ты могла принять душ позже. Днем могут позвонить из детского сада, поэтому принимай душ после того, как я вернусь домой.

– Когда позже? После того, как ты возвращаешься домой, мне нужно готовить ужин. А перед этим – убрать посуду Нахи и отмыть от кухни прилипший повсюду рис! А потом навести порядок, подмести пол и собрать разбросанные игрушки. А потом приходит время купать Нахи. А у нас даже ванны нет, чтобы мы могли помыться вместе!

– Прости, я не хотел... Почему ты снова злишься?

После того как Мира повысила голос, Нахи заплакала пуще прежнего.

– Пожалуйста, успокой Нахи. Мне нужно позвонить маме Чжиху.

Учхоль обнял Нахи, которая плакала, сжимая в руках упаковку от бананового молока. Мира, одетая только в серый кардиган, вышла на улицу.

В переулке было сыро, возможно, из-за недавнего дождя.

– Брр! – поморщилась Мира, наступив в лужу возле дома. – Какая-то черная полоса...

Она отряхнула тапочки от воды, сделала глубокий вдох и позвонила маме Чжиху. Она несколько раз извинилась и предложила встретиться, но мама Чжиху без лишних слов потребовала компенсацию расходов на лечение. Мальчик уже побывал у дерматолога, и в будущем ему может понадобится удалять шрам лазером. Мама Чжиху сказала, что откажется от претензий в обмен на один миллион вон на покрытие будущих медицинских расходов. Мира почувствовала комок в горле, словно там застрял сухой яичный желток, но без споров согласилась выслать деньги. Как ни крути, а Нахи и правда виновата... Мира склонила голову, еще раз извиняясь перед матерью Чжиху.

Тем же вечером Учхоль перевел со своего счета миллион вон. Его кошелек стал легче, а перспектива снять новую квартиру – отдаленнее. Уложив Нахи спать, Мира пришла в спальню.

– Я перевел деньги, – сказал Учхоль ровным тоном.

– М-м-м.

– Слушай... Насчет домашних расходов в этом месяце...

– Сама знаю. Придется затянуть пояса еще сильнее. Ложись спать, утром тебе на работу.

Они легли, повернувшись друг к другу спиной. Мира изо всех сил пыталась заснуть, зная, что впереди ее ждет еще один трудный день. Она уже засыпала, когда ее разбудил расстроенной голос Нахи.

– Мама... я описалась.

Мира почувствовала прилив сострадания к бедной девочке. Сегодня в детском саду Нахи впервые в жизни столкнулась с конфликтом. Должно быть, она сильно переживает... Мира пожалела, что почти ничем не может ей помочь. Она переодела Нахи в сухую одежду, унесла мокрое постельное белье в ванную и постелила свежее. Вскоре Нахи погрузилась в сон, и Мира вернулась в постель. Заснула она быстро, однако через несколько часов Нахи разбудила ее снова:

– Мама... просыпайся.

– Что такое?

– Я... я опять, – нерешительно сказала Нахи.

Мира резко села:

– Что опять? Ты снова описалась?..

– Мама, прости...

Мира крепко схватила Нахи за щупленькие плечи:

– Нахи, если тебе жаль, то просто прекрати писаться! Мама очень устала!

Нахи снова разрыдалась. Учхоль, почувствовав серьезность ситуации, встал и принялся ее успокаивать.

– Вы с Нахи ляжете здесь, – сказала Мира. – Чистого белья больше нет, поэтому я пойду в прачечную.

– Давай завтра, – сонно пробормотал Учхоль. – Уже поздно.

– Из-за дождя белье не высохнет, если я повешу его завтра!

Мира накинула на плечи серый кардиган, наспех прополоскала пропитанное мочой постельное белье, взяла его в охапку и вышла из дома. Кардиган отсырел, Мира чувствовала резкий запах мочи.

Быстро добравшись до прачечной «Бингуль-Бингуль», Мира засунула постельное белье в стиральную машину. Потом села за столик у окна и со скуки открыла зеленый ежедневник. Он был заполнен разными банальными записями. Мира небрежно пролистывала его, не особенно интересуясь содержанием, но через некоторое время ее внимание привлекла страница с надписью «Проходят весенние дни». Слезы покатались по щекам и упали на стол, подобные луже, в которую она наступила. Мира торопливо смахнула их и потерла лицо. Перелистывая страницы, она видела чужие тревоги и ответы на них. Мира схватила со стола ручку и быстро написала:

«Я не хочу жить. Почему жизнь такая трудная?»

Глядя на эти слова, она чувствовала себя бессильной, словно невидимка, и задумалась: есть ли в такой жизни хоть какая-то надежда? Мира старательно проживала каждый день, как бесконечно крутящийся барабан в стиральной машине. До замужества она была поглощена работой, потом погрузилась в заботу о дочке. Но сейчас она чувствовала себя старой, сломанной стиральной машиной – жалкой и ничтожной. Слезы не останавливались, даже когда она посмотрела в потолок. Глубокие вдохи и судорожные сглатывания тоже не помогли их сдерживать.

* * *

Столкнувшись с проблемой в виде депозита размером в пятьдесят миллионов вон, Мира и Учхоль решили отказаться от Ённамдона и обратили свой взор на окраины Сеула. Они собирались отправиться осматривать дом в Кёнгидо, когда у Миры зазвонил телефон.

– Привет, мам. Я занята, перезвоню вечером...

На другом конце телефона послышались рыдания.

– Мама, ты плачешь?

– Мира, что нам делать с твоим отцом?

Мира, стоявшая в прихожей, сняла туфли, вернулась в гостиную и положила сумку на диван.

– Что случилось? Мам, ты так и будешь плакать? Расскажи уже, в чем дело!

Рыдания стали громче.

– Мама! Я начинаю волноваться. Говори уже, что случилось!

Увидев лицо Миры, Учхоль сразу понял, что произошло что-то серьезное.

– Папа попал в аварию?

– Нет, дело не в этом, твой отец... У него нашли рак желудка.

Мира рухнула на пол как подкошенная.

– Я приеду сегодня. Нет, сейчас же. Я выезжаю немедленно.

– Отца нужно срочно госпитализировать. Но какие-то правила изменились и в больницу пускают только одного посетителя.

– Значит, даже если я приеду, то не увижу папу до операции? Как так?! Я должна с ним повидаться!

– Я собиралась рассказать тебе обо всем после операции, но испугалась и позвонила...

– Я приеду завтра. Нет, сегодня.

– Мира... оставайся в Сеуле. Мне не следовало тебе звонить. Твой муж рано уходит на работу. Кто будет отводить Нахи в детский сад? Оставайся дома.

Мире хотелось все бросить и отправиться в аэропорт. Или сесть на первый поезд до Пусана, чтобы быть со своим отцом. Она вспомнила, что сказал отец, увидев ее в свадебном платье: «Дочка, прости, что я не мог одевать тебя так же красиво, как одевали других девочек. Ты – настоящая красавица, Мира». Ей хотелось держать его за руку так же, как он держал за руку ее, когда вел к алтарю.

– Разве его работа сейчас имеет первостепенное значение?

Мира купила билет на самолет. Даже если ее не пустят к отцу в палату после операции, ей хотелось быть поближе к нему. Учхоль решил взять отпуск, чтобы присмотреть за Нахи, обнял Миру и попросил не волноваться.

Вечером того же дня им позвонили и сообщили, что интересующий их дом в Кёнгидо, который они должны были посмотреть, уже арендовали. Ее отец болен, а стиральная машина продолжает издавать жуткие стоны. Сплошные беды... Глубоко вздохнув, Мира решила взять себя в руки и оставаться сильной. Она сложила в корзину для белья полотенца, пижаму Нахи с клубничным узором, рабочую одежду Учхоль, свой серый кардиган и вышла из дома.

Мира начала получать удовольствие от одиноких походов в прачечную после того, как все заснут. Она чувствовала себя свободной, просто наблюдая за людьми в повседневной одежде, которые отдыхают и развлекаются, наслаждаются своей молодостью.

Уже собираясь открыть дверь прачечной «Бингуль-Бингуль», Мира заметила пожилого господина, который стоял у стола. Она немного помедлила, прежде чем войти. Ей показалось, что обращение «пожилой господин» подходит ему больше, чем «старичок». Его хорошо выглаженная темно-синяя рубашка в клетку, серые хлопчатобумажные брюки и уютный внешний вид в сочетании с густыми с проседью волосами производили приятное впечатление. Мира осторожно обошла пса чиндо, сидевшего у двери, и вошла внутрь. Взяв поводок, пожилой господин неторопливо вышел из прачечной.

Интересно, видел ли он ее запись в ежедневнике? В любом случае Миру это не слишком беспокоило, ведь она писала анонимно. Ей было любопытно, ответил ли ей кто-нибудь, но она не решалась проверить, пока пожилой мужчина оставался в поле зрения. Она небрежно выглянула в окно, ожидая, пока пес скроется из виду, и только потом села за стол, на котором стояла большая бутылка витаминного тоника.

Ежедневник был открыт на той странице, где она сделала свою запись. Кто-то оставил ответ. Мог ли это сделать пожилой мужчина, который только что вышел из прачечной? Изысканный почерк соответствовал его благородному облику. Мира была благодарна тому, кто нашел время откликнуться на ее слова, – ей казалось, кто-то наконец-то прислушался к ее голосу, который до этого звучал только в ее собственных ушах.

Мира глубоко задумалась над советом вырастить цветок, чтобы попробовать ухаживать за чем-то, что, в свою очередь, будет подпитывать ее силы. Потом она открутила крышку бутылки. Щелчок – и воздух наполнился терпким запахом, характерным для тонизирующих

напитков. Мира задумалась о том, какой цветок выбрать, написала благодарственную записку и упомянула, что скоро ей придется уехать.

* * *

Прошло две недели с тех пор, как Мира вернулась из Пусана. Операция ее отца прошла без осложнений. К ее облегчению, при обследовании выяснилось, что его состояние не настолько серьезно, как опасались. Теперь ему предстоял курс химиотерапии. Поскольку дата переезда стремительно приближалась, Мира, занятая поиском новой квартиры, не могла найти время, чтобы сходить в прачечную. К счастью, в последнее время Нахи писалась все меньше и меньше.

Прочитав о том, что Мира не хочет жить, господин Чан не мог перестать беспокоиться о ней. Из головы не шел ее пустой взгляд и темные круги под глазами...

– Интересно, выпила ли она этот тоник? Возможно, одной бутылки было слишком мало. Надо было купить коробку, чтобы она взяла несколько бутылок домой... – заговорил сам с собой господин Чан, глядя, как Чиндоль виляет хвостом.

Он решил, что в следующий раз купит целую коробку тоника, и разложил на полу недавно высушенный матрас, который еще сохранял остатки тепла. Чиндоль с довольным видом свернулся калачиком рядом с господином Чаном. Его тепло в сочетании с фирменным ароматом прачечной «Бингуль-Бингуль» сделали весеннюю ночь еще теплее.

Господин Чан похлопал по нагретой весенним солнцем почве руками и довольно посмотрел на помидоры черри, которые начали быстро вытягиваться и расти. Еще на прошлой неделе они были зелеными, но теперь стали ярко-красными. Господин Чан сорвал небольшой помидор со стебля и отправил его в рот.

– Как же вкусно! Сладкий, как сахар.

Чиндоль с любопытством понюхал руку господина Чана.

– Что, тоже хочешь? Нет, тебе нельзя. Но я приготовлю тебе кое-что особенное! Как насчет куриной грудки?

Чиндоль энергично завилял хвостом и залаял. Господин Чан снял соломенную шляпу. Небо было чистым, без единого облачка. Он положил кусок куриной грудки в кипящую кастрюлю на газовой плите. Мясо быстро побелело, пена всплыла на поверхность, и господин Чан ловко зачерпнул ее шумовкой.

– Это твое любимое лакомство, да, Чиндоль? Подожди, я приготовлю его для тебя.

Чиндоль обычно равнодушно проходил мимо магазинных лакомств, однако очень любил домашнюю курочку. Тихо напевая, господин Чан предвкушал, как Чиндоль обрадуется любимой еде. Близились время обеда, поэтому он достал из холодильника замороженные пельмени и суп из говяжьих костей, хранившиеся в одноразовых контейнерах. Сегодня на обед будет суп с пельменями.

Бах!

Вдруг с улицы донесся вой – пронзительный, высокий. Господин Чан торопливо выключил газ и побежал во двор. Чиндоль лежал перед воротами, не в силах встать, и протяжно выл, как волк.

– Что случилось?

Во двор вошли сын и невестка. Открывая ворота, они ударили Чиндоля, который стоял прямо за ними. Судя по всему, его задняя лапа была вывихнута. Дыхание господина Чана участилось, руки вспотели, а в голове билась одна-единственная мысль: нужно срочно отвезти Чиндоля к ветеринару!

– Отец, мы приехали, – сказала невестка.

– Почему ворота плохо открываются? – удивился сын. – В этом вся беда частных домов – они требуют много ухода. Пора подумать о переезде в квартиру...

– Снова ты об этой проклятой квартире! Замолчи! – крикнул господин Чан на своего сына, державшего в руках большой конверт с названием строительной конторы.

Господин Чан с жалостью посмотрел на Чиндоля, который попытался встать на передние лапы, но завалился на бок, а потом снова попытался подняться.

– Тихо, Чиндоль. Не пытайся встать, лежи. Нам нужно в больницу! Вы ведь на машине?

– Да... Надо же было псу оказаться именно там! Он сильно пострадал? Папа, ты планируешь посадить его в салон? – уточнил сын, глядя на поскуливающего Чиндоля.

– Заведи машину. Я сейчас выйду.

– Но машина совсем новая... Я вызову тебе такси. Скорее всего, у него простой перелом. Это ерунда, ничего серьезного. В наши дни собаки прекрасно живут с протезами и на инвалидных колясках.

Чиндоль снова заскулил.

Господин Чан ударил своего сына по голове. Он не мог слушать, как сын говорит так равнодушно, пока Чиндоль страдает от боли.

– Папа!

– Ты правда врач? К своим пациентам ты относишься так же? Будто у них «ничего серьезного»? Ты не достоин считаться врачом! Подумать только! Я гордился тем, что называю тебя своим сыном! Мне стыдно, так стыдно, что я хвастался тем, что ты – врач!

– Отец, вы слишком суровы...

– Дорогая, не вмешивайся. Папа, почему ты так расстроился? Это всего лишь пес, подумаешь...

– Замолчи, если не хочешь, чтобы я снова тебя ударил!

У господина Чана на виске запульсировала венка. Он схватил бумажник и телефон, осторожно взял на руки Чиндоля и вышел за ворота. Пожелтевшие, засохшие сорняки, облепившие живот пса, сдуло ветром, и они упали обратно на землю. Господин Чан направился вдоль улицы. У него на лбу выступил пот.

Найти такси в жилом районе было непросто. На тех немногих, что попадались по пути, светился зеленый знак с надписью «Зарезервировано». Господин Чан горько пожалел о том, что перестал водить машину. После того как они с Чиндolem съездили на Западное море в свое последнее путешествие, он сдал водительские права, которыми владел почти шестьдесят лет. Зная, что общество с опаской смотрит на пожилых водителей, и периодически переживая приступы холодного пота, он не испытывал особых сожалений. Только обиду на беспощадное время, что лишило его возможности управлять автомобилем.

В такие моменты, как сейчас, господин Чан жалел об утрате прав. Он скучал по поездкам – на пассажирском сиденье сидит Чиндоль, из динамиков льется спокойная музыка... – и чувствовал разочарование из-за того, что не может съездить в пригород, чтобы подышать свежим воздухом и отдохнуть. Теперь ему приходилось просить сына об одолжении, иначе единственным шансом насладиться свежим воздухом были прогулки, организованные общественным центром для престарелых.

Около пяти минут господин Чан ходил туда-сюда по переулку перед своим домом. Чиндоль скулил все громче. Не в силах больше ждать, господин Чан решил пойти пешком, но стоило ему немного пройти вперед, как раздался гудок и перед ним остановилось такси со знаком «Не работает». Господин Чан был озадачен, увидев номерные знаки Пусана, и подумал, что водитель хочет спросить дорогу.

В эту секунду пассажирское окно опустилось, и женщина, которой на вид было около шестидесяти лет, сказала:

– Садитесь, пожалуйста. Мы ездили кругами, пытаюсь найти дом нашей дочери, и заметили, что вы тоже ходите кругами. Садитесь. Отвезти вас в ветеринарную клинику?

Мужчина за рулем, ее ровесник, поддакнул:

– Да-да, садитесь. Мы вас отвезем.

У господина Чана мелькнула мысль, что это может быть уловкой, чтобы его похитить. Он на мгновение заколебался, но, увидев, что Чиндоль обмяк и перестал скулить, решительно сел на заднее сиденье.

– Прошу прощения за беспокойство. Если вы съедете в следующий переулок, то окажетесь на главной дороге. Оттуда прямо в направлении Синчхона.

– Хорошо.

Приветливый мужчина ловко нажал кнопку голосового поиска на своем телефоне и произнес название ветеринарной клиники, о которой говорил господин Чан. Благодаря навигатору, который вел их по самому быстрому маршруту по переулкам, они добрались до места назначения быстрее чем за десять минут. Господин Чан потянулся за бумажником, однако и водитель, и женщина на пассажирском сиденье стали возражать:

– Нет-нет, все в порядке. Сегодня у меня выходной.

– Но все же...

– Я даже не включил счетчик. Пожалуйста, поторопитесь.

Поблагодарив любезную пару, господин Чан вышел из машины с Чиндолью на руках и поклонился. После того как такси отъехало, он открыл дверь больницы плечом и вошел внутрь.

Несмотря на будний день, ветеринарная клиника была полна больных животных и их взволнованных хозяев. Господин Чан регулярно приводил Чиндоля на осмотр, поэтому медсестра их узнала и, увидев, в каком состоянии находится Чиндоль, занесла его в список срочных пациентов, чтобы бедняге поскорее оказали первую помощь. Оказавшись в смотровой, Чиндоль вздрогнул, но при виде своего постоянного ветеринара вяло вильнул хвостом.

Первым делом ветеринар ощупал его, а затем сказал, что для более точного диагноза необходимо сделать рентген. Господин Чан сидел в приемной и волновался. Вся краска схлынула с его лица, и оно сделалось мертвенно-бледным. Господин Чан вспомнил о том, как однажды в парке видел собаку в инвалидной коляске...

– Чиндоль... Прости меня...

Через некоторое время ветеринар подошел к господину Чану и накрыл его руку своей.

– Не волнуйтесь слишком сильно. Понадобится срочная операция, но я сделаю все, что в моих силах. Вы ведь мне доверяете? Да и Чиндоль меня любит.

Господин Чан сжал руку ветеринара. Она была шершавой, вероятно из-за частого использования дезинфицирующего средства, но очень теплой.

– Пожалуйста, позаботьтесь о нем.

Ветеринар вошел в операционную, и, когда дверь за ним закрывалась, господин Чан мельком увидел Чиндоля, лежавшего на холодном операционном столе. Господин Чан не двигался с места в течение двух часов, что шла операция. Даже в туалет не отходил. Только молился о том, чтобы Чиндоль и дальше мог наслаждаться прогулками в своем любимом парке.

Через некоторое время медсестра позвала:

– Господин Чан, пожалуйста, пройдите в смотровую.

Когда он вошел, ветеринар, который провел операцию, уже ждал его с рентгеновскими снимками Чиндоля, которые были выведены на экран компьютера.

– Спасибо вам за заботу о Чиндоле. Как он?

– Операция прошла благополучно.

– Ему понадобится инвалидная коляска или что-нибудь еще? Он сможет нормально ходить?

– Да, сможет. Трудностей возникнуть не должно.

Услышав «да», господин Чан облегченно вздохнул:

– Спасибо вам. Большое спасибо.

– Чиндоль крепкий. Его пульс оставался стабильным на протяжении всей операции, поэтому мы смогли закончить побыстрее.

Показывая на экране рентгеновские снимки, ветеринар подробно рассказал о состоянии Чиндоля и добавил, что сейчас Чиндоль находится в послеоперационной и навестить его можно будет, только когда его переведут в стационар. Перед тем как выйти из кабинета, господин Чан снова поклонился, выражая благодарность, и ветеринар ответил ему тем же.

– Наверное, тебе очень больно... – сказал господин Чан, когда его пустили к Чиндолю.

К этому времени действие анестезии закончилось и боль начала давать о себе знать. Чиндоль дрожал, однако при виде хозяина попытался встать и тут же снова сел. Его левая задняя лапа была в зеленом гипсе.

– Чиндоль, не двигайся. Ты поранишься. Лежи.

Успокоенный ласковым голосом господина Чана, пес положил подбородок на передние лапы и закрыл глаза. После того как медсестра сообщила, что Чиндолю необходимо пробыть в клинике не менее недели, господин Чан пообещал вернуться на следующий день и направился домой. Он доехал на автобусе до остановки «Университет Хонгук», а дальше пошел пешком. Он вытер выступивший на лбу пот и только тогда понял, что его рубашка насквозь мокрая.

– Фух, ну и дела.

У входа в парк Ённамдон стоял ряд электроскутеров. Господин Чан направился вдоль дорожки, по обеим сторонам которой росли деревья. Почки на ветвях уже начали набухать, и казалось, что вишни скоро зацветут. Господин Чан надеялся, что Чиндоль до этого времени поправится и они вместе смогут прогуляться под цветущей вишней, которую Чиндоль очень любил.

Подойдя к своему дому, господин Чан увидел припаркованный перед ним блестящий порше и понял, что сын еще не уехал. Он не хотел его видеть, но идти ему было некуда: центр для пожилых людей закроется совсем скоро, в четыре часа, а подходящего кафе, куда можно было бы пойти, в округе не водилось. Выбора не было, поэтому он нехотя вошел в дом.

Невестка подскочила, стоило ему переступить порог.

– С вами все в порядке, отец? Ой, да вы весь мокрый!

Сын многозначительно кашлянул, и она замолчала.

– Я решил тебя дождаться, потому что не знаю, когда еще смогу выкроить время. Вот, взгляни.

Он указал на разложенный в гостиной чертеж, на котором стоял адрес участка господина Чана: округ Мапхогу, район Ённамдон, дом 22. Рядом с адресом жирным шрифтом были указаны коэффициент полезной площади, коэффициент использования территории, соотношение площади дома к площади участка...

– Ты что, не слышишь ни слова из того, что я говорю?!

– Пап, не реагируй так эмоционально, а просто выслушай! Одни только чертежи обошлись нам в триста тысяч вон! И это еще со скидкой, потому что у моего друга архитектурное бюро. Мы вложили много времени и сил, поэтому, пожалуйста, давай поговорим!

– Я никогда не просил вас «вкладывать силы». Почему ты так отчаянно нуждаешься в деньгах? Неужели врачам в больнице так мало платят? Тогда продай свою квартиру и делай с деньгами все, что душе угодно! Мою пенсию ты тоже хочешь забрать?!

Господин Чан почувствовал, как внутри разгорается огонь, поднимаясь к горлу. Его лицо покраснело, а на шее вздулись вены.

– Отец... – начала было невестка.

– Пап, не надо упрямяться! Думаешь, я делаю это только ради денег? Если сейчас мы перестроим дом и сдадим в аренду, то потом сможем удачно его продать. В противном случае это верный убыток! Кроме того, арендная плата здесь высокая, поэтому многие заведения уже переезжают в районы Ыльчжиро и Мулледон. Нужно будет успеть продать дома, пока не станет слишком поздно. Иначе без потерь не обойтись.

– Я не считаю, что мои воспоминания – это потеря. Коэффициент полезной площади, коэффициент использования территории, все эти термины... Деревья и клумбы, которые мы с твоей матерью сажали и за которыми ухаживали, – неужели ты думаешь, что я стану счастлив, если их продам? Мне восемьдесят лет. Восемьдесят! Прошу тебя, дай мне жить так, как я хочу!

Видя непреклонность господина Чана, сын решил временно отступить. В сердцах скомкав чертежи, он направился к двери:

– Дорогая, пойдем!

И невестка поспешила за ним.

Пытаясь открыть ворота, сын опрокинул коричневый горшок с красными помидорами черри, который стоял на клумбе. Горшок разбился, и земля рассыпалась. Сын отряхнул костюм и был таков.

Господин Чан наблюдал за этой сценой через окно гостиной, но у него не осталось сил отругать сына. Он чувствовал себя совершенно истощенным – то ли потому, что ездил в ветеринарную клинику, то ли просто выдохся после ссоры. Он сел на диван, закрыл глаза и откинул голову назад.

– Ах, наконец-то...

Шли дни. Сын не звонил и не приезжал. Господин Чан тоже не хотел идти на попятную. Даже в эпоху, когда дожить до ста лет не считается чем-то необычным, нет никакой гарантии, что господин Чан проживет так долго, и он не хотел продавать этот дом, за которым с любовью ухаживал на протяжении многих лет. Кроме того, если он переедет в квартиру, как предлагает сын, то как быть с Чиндолом? Соседи почти наверняка будут жаловаться на лай или вой, и Чиндолю придется делать операцию на голосовых связках. Он навсегда лишится голоса и будет вынужден выражать свои чувства только с помощью хвоста. Господину Чану очень этого не хотелось.

Ровно через две недели после того, как Чиндоль оказался в ветклинике, оттуда позвонили.

– Господин Чан! – радостно воскликнула медсестра с дружелюбным голосом.

– Да, слушаю.

– Пожалуйста, приезжайте. Мы готовы выписать Чиндоля. Врач сказал, что Чиндоль готов отправиться домой. Пожалуйста, возьмите с собой поводок, пакеты для фекалий и воду, этого должно быть достаточно.

Господин Чан был счастлив, что может забрать Чиндоля домой, а не просто навестить в ветклинике. Несмотря на то что из-за весеннего дождя цветы вишни уже опали, он предвкушал, как они с Чиндолом снова прогуляются по улицам Ённамдона.

– Да-да, я все привезу. Его точно можно выписывать?

– Абсолютно. О, Чиндоль завилял хвостом – похоже, он уже знает, что скоро отправится домой!

На заднем фоне послышался радостный лай.

«Ах, наконец-то он приободрился...»

Положив трубку, господин Чан решил на скорую руку приготовить обед, прежде чем отправиться за Чиндолом. Он достал хрустящий рис, которым на прошлой неделе угостила его госпожа Хон из досугового центра. Налил в кастрюлю воды, добавил несколько кусочков хру-

стящего риса и довел до сильного кипения. Потом достал из холодильника кимчхи, чесночные черенки, сушеные анчоусы и тушеный корень лотоса и выложил на тарелку.

* * *

Не успела Мира насладиться цветением, как весна уже подходила к концу. А ведь она твердо намеревалась прогуляться с мужем и дочерью по улице Юнчжунро, которая славилась своими вишневыми деревьями, и даже потратила почти шестьдесят тысяч вон на белое хлопковое платье, подол которого был украшен перфорацией и красной цветочной вышивкой. Однако за время поиска дома в окрестностях Ильсана цветение быстро сошло на нет. Мира почувствовала привкус горечи, увидев в шкафу ни разу не надетое платье, на котором все еще красовался ценник. «Я даже пропустила срок возврата. Может, продать его на „Кэрроте“?»⁴

Готовясь к предстоящему переезду, она решила заранее перебрать одежду, которую больше не носит, и принялась вытаскивать ее из шкафа. Вот одежда, которую она хранила с мыслью «надену, когда похудею», но так и не похудела. Вот красивая одежда, которую она хранила для особого случая, например чьей-нибудь свадьбы или тольджанчхи⁵, стала ненужной из-за экономического спада. У матери и домохозяйки, воспитывающей семилетнюю дочь, почти нет поводов надевать официальные наряды. Мира решительно убрала их в коробку и открыла комод, рассматривая серьги, ожерелья и браслеты, которые носила во времена работы в дьюти-фри. Подумать только! Когда-то она носила такие экстравагантные аксессуары...

Телефон издал сигнал. Пришло сообщение с сайта, где Мира разместила объявление о продаже хлопкового платья.

«Отдашь на 10 тысяч дешевле?»

Мира нахмурилась, глядя на сообщение, в котором не было даже приветствия. Тем не менее она ответила как можно любезнее, не желая терять рейтинг, накопленный за годы использования приложения.

«Платье абсолютно новое и ни разу не надевалось, поэтому, боюсь, я не могу снизить цену. Оно и правда в идеальном состоянии. ^^»

«Секонд – он и есть секонд. Сделай мне скидочку».

Миру все больше раздражал грубый тон, однако она попыталась сдержать раздражение.

«Пожалуйста, учтите, что его можно носить до лета».

«Тогда проехали».

«Хочется просто взять все и выкинуть! Я и так расстроена из-за того, что не успела полюбоваться цветением... – подумала Мира. – Почему эта девушка разговаривает так невежливо? Когда это мы успели перейти на „ты“? Может, отдать одежду на благотворительность, и дело с концом?»

Ей не понравилось поведение незнакомки с сайта, но она ничего не ответила, не желая спорить. Выйдя из беседы, она заметила объявление о простой и высокооплачиваемой подработке, которая подходит даже домохозяйке. Миру привлекло обещание несложных обязанностей и высокой зарплаты. Быть может, ее руки отреагировали раньше, чем глаза. Она кликнула на объявление и прочитала подробности.

«Здесь написано, что нужно раз или два в неделю доставлять вещи в указанное место... Требуется курьер в округе Мапхогу. Но почему подходит даже домохозяйке? Разве они обычно берут курьерами не сильных мужчин?»

⁴ Сайт для продажи подержанных вещей, корейский аналог «Авито».

⁵ Празднование первого дня рождения ребенка.

Еще в объявлении было написано, что «личный автомобиль не требуется; доставки необходимо осуществлять на такси или общественным транспортом». Мире в голову закрались подозрения...

Она отложила телефон и снова принялась разбирать одежду. Вещи, которые было решено взять с собой, Мира упаковала в купленную в супермаркете коробку. Зимнее одеяло, хранившееся в глубине шкафа, она собиралась положить в вакуумный пакет, чтобы уменьшить объем, однако оно пахло затхлостью. Нужно его сначала постирать...

На лбу выступила испарина. Она подумала о том, чтобы включить вентилятор – было не по сезону тепло, почти как в середине лета, – но мысль о том, что вентилятор придется чистить и настраивать, заставила ее отказаться от этой идеи. Она вытерла пот пыльной рукой.

Она устала собирать вещи, однако мысль о ночном походе в прачечную придала ей энергии. Вид вращающихся барабанов стиральных машин и уютный запах кондиционера для белья помогли ей отдохнуть и отвлечься.

В комнате было слышно, как Учхоль моет посуду. Наступил вечер, и Мира читала дочке сказку. Нахи разглядывала картинки, с трудом удерживая глаза открытыми. Это была ее любимая сказка – «Золушка».

– Мама, а фея-крестная правда так выглядит?

– Ну я никогда ее не видела.

– Правда? – разочарованно вздохнула Нахи. – Разве фея-крестная не появляется в трудные времена? Тогда, когда мы устали? Когда отчаялись?

– Отчаялись?

– Да.

– А ты знаешь, что такое отчаяние? – закрыв книгу, спросила Мира.

– Знаю! Это надежда наоборот.

– Тогда что такое надежда?

– Нахи!

– Нахи? – переспросила Мира, удивленная неожиданным ответом.

– Ага. Когда бабушка из Пусана приезжала в последний раз, она сказала, что Нахи – надежда нашей семьи. Поэтому, когда я пойду в школу, я должна слушаться учителей и хорошо учиться!

– Что же мне с тобой делать...

После того как Мира дочитала сказку, Нахи еще некоторое время болтала, а потом заснула. Мира погладила дочку по голове и тихо пробормотала:

– Прости меня.

Каждый вечер она испытывала необъяснимое чувство вины перед своим ребенком, что, как ей казалось, свойственно всем матерям. Ночью, когда все уже спали, Мира достала зимнее одеяло. Оно было из микрофибры с мелкими цветочками на сером фоне. Она подумывала купить новое после переезда, но потом решила постирать это, чтобы сэкономить. Сейчас каждая вона на счету... Не найдя большого пластикового пакета, Мира решила просто понести одеяло в руках.

Хотя цветы вишни уже опали с деревьев, выстроившихся вдоль улицы, листья сияли яркой зеленью, как будто их подкрасили. Мира вспотела, неся в руках мягкое одеяло из микрофибры, но прохладный ночной ветерок охлаждал ее, бодрил и поднимал настроение.

Наконец она открыла дверь прачечной, в которой так давно не была, и увидела на столе рядом с ежедневником коричневый горшок с помидорами черри. Помидоры еще не созрели, но среди них было несколько красноватых. Мира предположила, что горшок оставил пожилой господин, который, судя по всему, и ответил на ее сообщение. Она открыла ежедневник. Под ответом было продолжение, написанное тем же почерком.

«Это куст с помидорами из моего сада. Почва хорошая, деревенская, поэтому куст будет расти в любом месте, куда вы его поставите. Главное – хорошенько его поливать. Подождите совсем немного, и помидоры созреют. Даже в жизни таких крошек наступает время, когда они достигают пика своего вкуса. Совсем как люди, вы не находите? После того как горечь и кислинка проходят, жизнь становится сладкой. Просто подождите еще немного. Это время обязательно наступит! Куда бы ни привела вас жизнь, желаю вам всегда оставаться здоровой».

Длинные горизонтальные штрихи напомнили Мира о пожилом господине, в сознании промелькнуло теплое и успокаивающее присутствие, наложившееся на лицо отца, недавно перенесшего операцию. На глаза навернулись слезы. Они потекли по щекам и упали на страницу, размазывая слова. Мира торопливо закрыла дневник и вытерла нос рукавом.

На двери звякнул колокольчик, и в прачечную вошел пожилой господин. В одной руке он держал поводок, в другой – тонкое летнее одеяло. Мира поспешно вытерла щеки и встала. Господин Чан хотел было сделать вид, что ничего не заметил, но, увидев, что Мира не может справиться со слезами, сказал:

– Помидоры черри очень круглые, правда?

– Да...

Господин Чан не хотел спугнуть Миру, поэтому он положил одеяло в стиральную машину и завел непринужденный разговор:

– Я уже достал летнее одеяло. В последние дни резко потеплело. Говорят, что Корея перестала быть страной с четким делением на четыре времени года. Похоже, так оно и есть.

Глаза Миры расширились. Она склонила голову перед господином Чаном в знак благодарности:

– Спасибо вам. Большое спасибо. Я очень ценю это.

Господин Чан улыбнулся, как бы говоря, что все в порядке.

– Что вы, мне даже неловко. Эти помидоры из моего сада. Не так уж дорого они мне обошлись, чтобы вы так меня благодарили...

– Они придали мне сил, – решительно перебила Мира, и впервые за долгое время голос ее звучал ясно и твердо. – Ваши слова придали мне сил. Я была благодарна за то, что меня кто-то выслушал. С тех пор как я стала сидеть дома и воспитывать ребенка, не было никого, кто бы меня выслушал. С мужем мы говорили только о нашем ребенке, и мне казалось, что я разучилась говорить о себе. В супермаркетах – месте, куда я хожу чаще всего, – меня спрашивают только: «У вас есть карта магазина?» Вы – первый человек, который спросил о моей жизни...

У господина Чана сжалось горло, когда он слушал захлебывающийся от эмоций голос Миры.

– Спасибо вам. Теперь, когда мы переезжаем, я, наверное, больше не смогу сюда прийти... – Мира запнулась, пытаясь сдержать слезы, и тогда господин Чан ответил:

– Мое послание было не вопросом, а утверждением. Утверждением, что у вас будет все хорошо. Вы ведь знаете разницу между вопросительным и восклицательным знаками?

Пока господин Чан говорил, Мира всхлипывала все громче и громче. В следующую секунду дверь прачечной распахнулась. Ночью Нахи снова описалась и бросилась искать маму. Учхоль привел ее в прачечную.

– Мама! Почему ты плачешь?

– Что случилось, дорогая?

Нахи, на глазах которой мгновенно выступили слезы, посмотрела на господина Чана и спросила:

– Мама, дедушка тебя отругал?

От этого невинного вопроса лицо господина Чана озарилось улыбкой. Он подумал о своем внуке Сучхане, который до позднего вечера усердно занимается в английской академии, готовясь к учебе в Америке.

– Нет, мама плачет, потому что она счастлива. Мама плачет от радости, – сказала Мира, и Нахи с облегчением обняла ее.

Потом девочка потрогала куст стоящих перед ними помидоров:

– Ух ты! Помидорки!

– Это подарок от бабушки. Мы должны сказать ему спасибо.

Нахи низко поклонилась господину Чану и сказала: «Спасибо». Учхоль с недоумением наблюдал за развернувшейся перед ним сценой.

– Дорогая, что происходит?

– Расскажу, когда вернемся домой.

Тут Нахи увидела лежащий на столе дневник и вслух прочитала:

– «Я не хочу жить. Почему жизнь такая трудная?» А? Это мамин почерк...

Покраснев от смущения, Мира растерянно переводила взгляд с Учхоля на Нахи. Господин Чан тоже смотрел между ними.

– А, это...

– Мама, ты не хочешь жить? Это потому, что я по ночам писаюсь и ты устала?

Нахи расплакалась прежде, чем успела договорить. Учхоль тяжело вздохнул, словно напрочь позабыв о присутствии господина Чана. Господин Чан не знал, что сказать или сделать, и даже Чиндоль замер, почувствовав напряженную атмосферу, и теперь только медленно моргал.

– Мира, что нам делать, если ты не хочешь жить? Разве люди живут потому, что это весело? Или потому, что хотят? Если тебе тяжело из-за ситуации с жильем, то можно поискать квартиру поменьше. Нам хватит двух комнат, больше не нужно. Я буду брать больше подработок. Нахи еще мала, и...

– Думаешь, сейчас мы живем хорошо? У нас всего две комнаты. Наша спальня и комната Нахи. Одежда, книги и игрушки Нахи валяются по всему дому, потому что их некуда положить. В комнате не помещается даже письменный стол, поэтому, когда приходят репетиторы, нам приходится ставить стол в спальне. Разве не так?

– Но если тебе нравится этот район...

– Я думала, что в этом году смогу вернуться на работу! Я бы работала, зарабатывала деньги и забирала Нахи из школы. Я не хочу постоянно слышать жалобы о том, как ты устал, и не хочу постоянно требовать: «Деньги, деньги, деньги!» – выкрикнула Мира, словно выплескивая скопившиеся внутри нее чувства.

Учхоль опустил голову. Нахи заплакала еще громче. Мира попыталась успокоить ее, но слезам не было конца.

Господин Чан посмотрел на стиральную машину, куда положил свое одеяло. До конца стирки оставалась тридцать одна минута. Он решил покинуть прачечную на это время, чтобы Мира и ее родные могли поговорить наедине. На белой мордочке Чиндоля виднелись темно-коричневые пятна – слезные дорожки, появляющиеся под глазами собак. Почувствовав, как в носу защипало, господин Чан торопливо направился к двери. Выйдя из прачечной, они с Чиндолом направились вдоль улиц Ённамдона. Было уже довольно поздно, однако в районе кипела жизнь, словно вечер только начинался.

– Чиндоль, давай немного пройдемся?

Чиндоль в ответ завилял хвостом. После выписки он уже полностью восстановился и теперь бордо шел в ногу с хозяином. В шумном Ённамдоне их шаги были неслышимыми. Господин Чан не смог уйти далеко и через несколько шагов присел на скамейку, преследуемый плачем Нахи.

– Ох уж эти деньги... Они приносят людям много бед. Верно, Чиндоль? – господин Чан снова вздохнул, переживая за семью Миры. – Что же нам делать, Чиндоль?

Тем временем в прачечной Мира крепко обняла Нахи, а Учхоль отвернулся, глотая слезы. Он не хотел показывать свою уязвимость – то ли из гордости, то ли потому, что был главой семьи. Примерно через час, когда господин Чан вернулся в прачечную, Мира с семьей уже ушли. Горшок с кустом помидоров исчез, но ежедневник по-прежнему лежал на столе, и на одной из страниц детским почерком было написано:

«Спасибо за помидорки, я буду за ними ухаживать и полевать! Можно в следующий раз погладить песика? Нахи».

Прочитав послание и наткнувшись на ошибку, господин Чан улыбнулся. Его внук Сучхан, которого признали вундеркиндом из-за успехов в математике, до сих пор писал с ошибками. Ему захотелось услышать голос Сучхана, он подумал было позвонить невестке, но потом отказался от этой мысли, опасаясь, что она снова поднимет вопрос о продаже дома. Под посланием Нахи господин Чан написал:

«Мы живем в доме с голубыми воротами, который находится рядом с административным центром Ённамдона. Приходи с мамой, когда захочешь погладить песика. Его зовут Чиндоля».

* * *

Недозрелые зеленые помидоры черри покраснели. Благодаря тому, что их, стоявших на кухонном окне, поливали раз в день, стебель значительно вытянулся. Нахи всегда спрашивала, можно их съесть, и вот сегодня, моя посуда, Мира увидела, что помидоры созрели.

– Уже пора их есть?.. Мне очень хочется его поблагодарить.

После того дня семья Миры стала поддерживать друг друга, каждый по-своему. Учхоль каждый день говорил Мире, что любит ее. Поначалу он стеснялся и писал об этом в сообщениях, но вскоре начал говорить перед сном: «Ты сегодня много работала. Я люблю тебя», после чего быстренько отворачивался и засыпал.

При взгляде на помидоры на лице Миры появилась легкая улыбка. Несмотря на то что гостиная и кухня были загромождены коробками для переезда, в голове у нее было ясно. «Наша семья обязательно будет счастлива», – твердо верила она, готовясь к переезду.

После детского сада Нахи вернулась домой. Она самостоятельно вымыла руки, положила сумку на место и не стала требовать быстрый перекус. Похоже, это был ее собственный стандарт «хорошего ребенка».

– Мама! Можно я сегодня соберу помидоры? – переодевшись в домашнюю одежду, спросила Нахи.

Мира, которая сидела в спальне и переставляла коробки, ответила:

– Ты так сильно хочешь их съесть?

– Вообще-то...

– Вообще-то?

– Я хочу погладить Чиндоля! Можно мы соберем помидоры и отдадим их дедушке? И я поглажу Чиндоля! Дедушка даже дал нам свой адрес.

С того дня Нахи всегда сопровождала Миру в прачечную. Особенно если нужно было постирать одеяло, которое она накануне описала, – его она несла сама, следуя за Мирой и напевая: «Я не описаюсь завтра!»

– Хм, может, тогда сделаем гарнир из помидоров и купим что-нибудь вкусненькое для Чиндоля?

– Да!

Нахи радостно запрыгала. Мира сорвала один из висящих на плодоножке помидоров. Наблюдавшая за ней Нахи осторожно последовала ее примеру и лучезарно улыбнулась. Она уже собиралась отправить помидор в рот, но сдержалась и положила его в маленькую корзинку, которую держала Мира.

– Я подожду. Вчера я узнала, что взрослые должны есть первыми.

– Наша Нахи такая славная девочка! И такая вежливая. Когда ешь со взрослыми, сначала нужно предложить еду им.

– Я скажу: попробуйте, пожалуйста! Нахи – славная девочка!

Взволнованный голос Нахи наполнил дом. Даже одеваясь, она пела о Чиндоле. Мира ошпарила помидоры кипятком, очистила их от кожицы и положила в металлическую миску. Потом добавила ложку меда и две ложки уксуса и осторожно перемешала. Закончив, Мира аккуратно положила кисло-сладкий салат из помидоров в стеклянный контейнер и приложила к нему цветной рисунок господина Чана и Чиндоля, который нарисовала Нахи.

Было начало мая, однако погода напоминала середину лета. Следуя указаниям, оставленным в ежедневнике, Мира с Нахи направились на поиски дома господина Чана. Большинство жилых домов в Ённамдоне превратились в общественные заведения, поэтому найти нужный дом оказалось проще, чем они ожидали.

Дом окружал длинный забор с голубыми воротами, за которыми виднелись деревья с густыми кронами. Оказавшись перед воротами, Мира почувствовала себя необъяснимо счастливой. Интересно, сколько таких домов можно найти в Хондэ? Этот дом, казалось, гордился тем, что простоял здесь много лет и сохранил свою историю. Прямо над звонком висела деревянная табличка с надписью «Чан Ён». Нахи хотела было нажать на звонок, однако не успела: в эту же секунду раздался лай. Нахи подумала, что раз Чиндоль дома, то и господин Чан, скорее всего, тоже, и быстро нажала на звонок. Мира с гордостью посмотрела на контейнер с помидорным салатом и угощением для Чиндоля, которые она держала в руках. Ответа не последовало, и только лай Чиндоля стал громче.

– Может, господин Чан ушел? Непохоже, чтобы он был дома...

– Мама, Чиндоль продолжает лаять! – сказала Нахи, заглядывая во двор через щель в воротах. Она присела, чтобы лучше видеть, и закричала: – Мама! Дедушка лежит на земле!

– Что?!

Мира постучала в ворота и позвала господина Чана. Нахи последовала ее примеру и тоже постучала.

– Дедушка! Дедушка!

– Господин Чан! Вы в порядке?

Времени на раздумья не было. Опасаясь, что промедление может привести к самому худшему, Мира быстро достала телефон, набрала 119 и сообщила спасателям адрес. Через несколько минут приехала скорая помощь. Медики перелезли через забор, открыли ворота, и Мира с Нахи вошли во двор.

Господин Чан лежал во дворе. Чиндоль кружил вокруг, хрипло лая и толкая хозяина передними лапами. Фельдшер опустился на землю перед господином Чаном и проверил реакцию его зрачков.

– Похоже на кровоизлияние в мозг. Нам нужно немедленно доставить его в больницу. Вы член семьи?

– Нет, я не член семьи, но... я поеду с вами!

Улицу огласил вой сирены, машины разъезжались, уступая дорогу скорой помощи. Мира с беспокойством смотрела на господина Чана, лежащего на носилках. Сколько он пролежал там, во дворе? Очнется ли он? Мира надеялась, что все закончится благополучно. Она крепко сжала руку Нахи, которая заметно переживала, часто дыша.

– Мама, дедушка умрет?

– Нет, дорогая. Все будет хорошо, ведь мы едем в больницу. Давай помолимся за него.

После этих слов Нахи крепко зажмурилась и сцепила руки в замок, шепотом произнося молитву.

– Вы знаете, как связаться с членами семьи? – спросил фельдшер.

– Нет, – покачала головой Мира.

Медработник обыскал карманы господина Чана и нашел удостоверение личности. К счастью, господин Чан предусмотрительно носил его с собой. Он понимал, что уже немолод и что в преклонном возрасте всякое может случиться. Поэтому всегда держал удостоверение личности в заднем кармане брюк. Фельдшер связался с кем-то по рации и, зачитав имя и дату рождения, попросил подтвердить личность пациента и сделать запрос в земельный реестр, чтобы найти родственников. По рации ответили: «Родственники не найдены». Мира тяжело сглотнула и решила, что на сегодня она станет родственницей господина Чана.

Дорога в больницу казалась бесконечно долгой, однако они прибыли в отделение неотложной помощи меньше чем за десять минут. После того как парамедики спустили носилки с господином Чаном, ожидавшие прибытия пациента врачи быстро повезли его в операционную. Мира и Нахи помогали толкать носилки, желая хоть чем-то помочь.

Вскоре господин Чан оказался в операционной. Над дверью загорелась табличка «Идет операция», и из конца коридора появился врач в белом халате. Он несколько секунд переводил взгляд между Мирой, сидевшей с озабоченным видом, и Нахи, которая молилась, сложив руки.

– Кто вы? – холодно спросил он.

– Ну, эм-м-м... Временный опекун...

– Временный опекун? – врач вздохнул и растерянно потер лоб.

На халате у него было написано: «Пластический хирург Чан Тэчжу», Мира инстинктивно поняла, что этот человек – сын господина Чана.

– Это мы его нашли! Он лежал в саду! – Нахи встала, широко раскрыв глаза.

– В саду? Вы знаете наш дом?

– Ну, мы живем неподалеку и принесли ему кое-что из еды...

Мужчина провел рукой по лицу и поднял голову.

– Спасибо. Чудо, что его нашли так рано. О, я его сын, Чан Тэчжу.

– Да, нам повезло, – ответила Мира, глядя на Тэчжу, который с пепельно-бледным лицом смотрел на операционную, и рассказала, как они познакомились с господином Чаном. Тэчжу винил себя, считая, что это из-за него отец потерял сознание. Он не сказал об этом напрямую, но схватился за сердце и пробормотал о том, что во всем виноваты проклятые чертежи.

Вскоре прибыла женщина, которая оказалась женой Тэчжу.

– Дорогой! Как отец?

– Он на операции.

– Я была на родительском собрании, но пришла сразу же, как только узнала! Сучхана я оставила в академии.

Тэчжу представил Миру своей жене, которая с любопытством поглядывала на нее.

– Эта женщина нашла отца, когда он потерял сознание. Она живет по соседству.

– Здравствуйте и большое вам спасибо! Для соседа нелегко попасть в такую ситуацию...

– Нам просто повезло оказаться там.

– Теперь, когда я здесь, вы можете идти. Еще раз спасибо, – сказала жена Тэчжу.

– Нет, я не могу. Я побуду здесь еще немного, – ответила Мира, не в силах заставить себя уйти. А еще она беспокоилась о Чиндоле, который остался один во дворе.

Примерно через два часа дверь операционной открылась, и врач объявил, что операция прошла успешно – во многом благодаря тому, что пациента вовремя доставили в больницу, и если сознание полностью восстановится, то никаких последствий быть не должно. Тэчжу, его супруга, Мира и Нахи одновременно издали вздох облегчения. Мира почувствовала, что теперь она может со спокойной душой вернуться домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.